

Павлик, замоскворецкий Гаврош

Это было в холодный ноябрьский день семнадцатого года. Рабочая Москва провожала в последний путь павших в жестоких октябрьских боях.

Американский писатель Джон Рид, первым поведавший миру о нашей революции, рассказывал: «Со всех сторон на Красную площадь стекались огромные толпы народа. Здесь были тысячи и тысячи людей, истощённых трудом и бедностью. Пришёл военный оркестр, игравший «Интернационал», и вся толпа стихийно подхватила гимн, медленно и торжественно разливавшийся по площади, как морская волна. С зубцов Кремлевской стены свисали до самой земли огромные красные знамена с белыми и золотыми надписями: «Мученикам авангарда мировой социалистической революции» и «Да здравствует братство рабочих всего мира!»»

Резкий ветер пролетал по площади, развевая знамёна. Теперь начали прибывать рабочие фабрик и заводов отдаленнейших районов города; они несли сюда своих мертвецов. Можно было видеть, как они идут через ворота под трепещущими знаменами, неся красные, как кровь, гробы. То были грубые ящики из нетёсаных досок, покрытые красной краской, и их высоко держали на плечах простые люди с лицами, залитыми слезами...»

Гроб с телом четырнадцатилетнего красногвардейца Павлика Андреева рабочие-михельсоновцы несли на скрещённых винтовках. Джон Рид подошел к нему. Поцеловал, прощаясь, незнакомого мальчика. Склонив голову над свежей могилой, произнёс с печалью и гордостью: «Это замоскворецкий Гаврош».

Неутомимый, отважный американец вернулся из охваченной революционной бурей России – он называл её «страна моего сердца» – убеждённым коммунистом. И часто потом, пока билось его горячее сердце, вспоминал пролетарских детей Петрограда и Москвы.

Они были для него ещё одним ярким олицетворением стойкости, величия потрясшей и изменившей мир русской революции, залогом прекрасного будущего молодого Советского государства.

Мечтал написать о них, подрастающих пролетариях, книгу, да не успел – погиб, скошенный в самом расцвете сил сыпняком, и его погребли – спустя три года с того ноябрьского дня – на той же Красной площади.

Рид был прав: судьбы парижского Гавроша и его московского сверстника Павлуши схожи, хотя и жили они в разные эпохи и в разных странах.

Нелёгкая с малых лет доля. Отвага и удаль. И ранняя смерть на баррикаде.

Веселый, юркий, рыжий,

Что холод мне, что зной!

Бездомный сын Парижа,

Я сплю на мостовой.

Дружу с ночным туманом

И с утренней росой.

Парижские каштаны

Беседуют со мной.

Таким вот, обездоленным, но никогда не унывающим, помнится и видится герой Виктора Гюго. Его образ, запечатленный великим художником слова, обретает жизнь с каждым новым поколением читателей.

Три молнии сверкнули,

Пронзили синеву,
Давно сраженный пулей,
Я до сих пор живу.

Меня жалеть не надо,
Хоть был я нищ и гол,
С парижской баррикады
В бессмертие ушёл.

Открыв однажды книжку,
Со мной сдружились вы,
Весёлые мальчишки Парижа и Москвы.

А замоскворецкий Гаврош, Павлуша Андреев, каким был он?
О нём не написаны книги. Почти не осталось воспоминаний. Да и многое ли можно вспомнить и рассказать о едва начинавшем жить, так и не вышедшем из отрочества парнишке?

Сохранилась лишь одна зримая памятка – старая, пожелтевшая от времени фотография. На ней – остриженный наголо, курносый и лобастый, с оттопыренными ушами мальчонка лет шести-семи в холщовой и мешковатой, на вырост, рубашке-косоворотке.

Стоит необычайно серьёзный, чуточку хмурый – ещё бы, перед ним объектив громоздкого аппарата, – положив ручонку на холку пушистой, добродушной собаки.

Замоскворецкий Гаврош не был бездомным. Родился и рос в рабочей семье.

Жила семья Андреевых за Серпуховской заставой, на тогдашней московской окраине, фабричной да заводской стороне.

Высились на ней, грохоча и днём и ночью, прокопчённые корпуса. А вокруг вились узенькие, словно среднерусские речушки, улицы и переулки.

В одном из них, Арсеньевском, стоял приземистый, как все его соседи, домишко, где и обитал с рождения наш герой.

Глядели на белый свет маленькие, будто прищурившиеся, окошки. Сквозь мутные стёкла виделась лишь крохотная частица этого огромного мира – знакомая каждой щербиной и выбоиной булыжная мостовая.

Впрочем, и она являла для любопытного и неискушенного детского взора немало удивительного и забавного.

Покрывалась по зиме плотными сугробами и тогда серебрилась, звонко скрипела под ногами и полозьями санок.

В марте-апреле заплескивали мостовую лужи. В талой воде отражалась вешняя голубизна, весело сверкали, переливались кусочки солнца. Потом приходили майские грозы, и омытые ливнями серые камни становились как бы помолодевшими, от них веяло свежестью.

В летний зной Арсеньевский наполнялся духотой и пылью, гулом и скрипом тележных колёс. А с наступлением осени мокнул под холодными дождями, делался непролазно слякотным, унылым и хмурым.

Деревья в Арсеньевском переулке, да и по всей округе, были редкостью. Только кое-где во дворах встречались одинокие сиротливые тополя, рябины, липы, росли, радуя раз в году своим цветом и запахом, кусты черемухи и сирени.

На деревьях, в кустарниках, водосточных трубах, на крышах находили пристанище городские птицы – галки, вороны, воробьи.

Павлик, дитя заводской окраины, как и большинство детей из пролетарских, не обременённых достатком семей, рос в его душном чаду, среди камня, грохота, дыма и пыли.

Но была не так уж далеко (Павлик раза два-три за свой недолгий век там побывал) другая Москва – нарядная, чистая, окружённая тенистыми бульварами и узорными оградами, сверкавшая зеркальными стёклами богатых домов и шикарных магазинов.

У подъездов стояли солидные, как генералы, швейцары в золоченых ливреях. Из дверей магазинов тянуло сладким ароматом. В больших, вымытых до синевы окнах проплывали, причудливо отражаясь, экипажи, шагали пешеходы, качались ветви деревьев, а сквозь снежную кисею занавесей торжественно поблескивали тяжёлые хрустальные люстры.

Необыкновенный, полный чудес, сказочный город!

Дивясь и радуясь всему виденному, ходил по нему Павлик: это был праздник ребячьей души, но праздник слишком короткий...

Блестящая, беззаботная Москва, едва трамвай миновал Серпуховскую заставу, исчезала, как исчезает на земле всё сказочное, надолго скрывалась за дымами. Недоступная, чужая и для него, и для таких, как он, чья участь – тянуть ляжку на окраинах, чтобы сверкал и веселился нарядный город.

В эту, другую Москву он вместе с тысячами пасынков древней российской столицы придёт в октябре семнадцатого с оружием в руках – утверждать справедливость, сражаться, как пелось в давней песне, за землю, за волю, за лучшую долю.

Но это время ещё впереди. А пока – вот он, от Арсеньевского рукой подать – завод Михельсона.

Павлик, ещё и десяти не было, шагнул через проходную в оглушающий грохот и огнедышащий жар заводской кузницы.

Кончилось детство, началась трудовая жизнь. Стал Павлик подручным кузнеца. День-деньской на ногах. Не раз обольётся от макушки до пяток солёным потом. Едва переведёшь дух, передохнешь, снова кличут: «Эй, где ты там? Пошевеливайся!»

Оборудование старое, изношенное. Вентиляции никакой, смрад, изнуряющая духота...

Тяжкой и для взрослых была тогда работа в михельсоновской кузнице. Работящий и смысленный паренёк, наверное, стал бы со временем настоящим мастеровым человеком. Таким, как, например, его однозаводчане Василий Кабанов и Сергей Антонов. Начинали тоже подручными, а выросли в знатных, прославленных на всю страну мастеров.

Станок, на котором в Великую Отечественную работал токарь Кабанов, стоит ныне в Центральном музее Вооружённых Сил как боевая реликвия. Много лет отдал родному заводу и слесарь Сергей Анатольевич Антонов, Герой Социалистического Труда. Да и сейчас не порывает с ним связь – воспитывает в заводском ПТУ новую смену.

Бывший завод Михельсона, получивший в начале двадцатых годов имя Владимира Ильича, и поныне славится своими умельцами.

В отечественную историю он вписал весомую, памятную строку. В революцию его, как Путиловский и Обуховский в Петрограде, Гужона и Бромлея в Москве, «Арсенал» в Киеве, называли «заводом-большевиком».

Здесь помнили девятьсот пятый. Жил в заводских цехах и мастерских, не выветривался мятежный дух, и юный подмастерье жадно впитывал его.

Михельсоновцы – народ смелый, сознательный, и Павлик перенимал у старших чувство собственную достоинства, гордость за принадлежность к рабочему классу.

А время, отмеренное заводскими гудками, стремительно катилось к грозным событиям.

Пролетарские окраины собирали силы, готовились к решительному бою, И бой этот, святой и правый, грянул!

В февральских вьюгах навсегда канула в былое поверженная монархия.

Всё шире и шире, захлёстывая большие и малые города, деревни, фронты, разливалось по России революционное половодье.

Вершилась великая революция, рождалась новая эпоха, и сердце рабочего мальчишки билось в лад с её бурным, боевым ритмом, горело стремлением действовать, быть в гуще борьбы.

Павлик подружился с Люсей Лисиновой. Эта хрупкая на вид девушка была признанным вожакom молодёжи Замоскворечья. По её заданию Павлуша не раз проникал в казармы 55-го пехотного палка, приносил солдатам газеты, брошюры.

Октябрь семнадцатого выдался в Москве ненастным, холодным. А время было горячее.

Пришла весть из Петрограда: вооружённое восстание рабочих, солдат, матросов победило. Пал Зимний. Провозглашена власть Советов. Создано первое на земле рабоче-крестьянское правительство – Совет Народных Комиссаров во главе с Лениным.

Настала очередь Москвы,

Но враг не собирался складывать оружие. А оружие у него было – не только винтовки, но и броневики, артиллерия, пулемёты.

Предстояла жестокая схватка, и старшие настойчиво отговаривали Павлика: дело серьёзное, суровое, а ты ещё мал. Приказали: сиди дома!

Но твёрдый оказался у мальчика из заводской кузницы характер, Павлик Андреев рвался в бой и ушёл, никого не спросясь, с рабочей дружиной.

А бой кипел на всех семи холмах древней Москвы.

Юнкера захватили Кремль. В их руках оказался почти весь центр города.

Под обстрелом Садовое кольцо. Полыхают взрывами бульвары, набережные Москвы-реки и Яузы. Грохочут выстрелы и орудийные залпы на Лубянке, Ильинке, Никольской, Моховой, Никитской, на Пречистенке и Остоженке. Идут сражения на Крымском и Сущёвском валах, в Хамовниках и Лефортове, в Сокольниках и на Пресне.

От Никитских ворот, через Арбатскую площадь и Пречистенский бульвар красногвардейцы-михельсоновцы пробирались к белокаменным стенам храма Христа Спасителя. За ними, на перегороженной баррикадой Остоженке, засели офицеры и юнкера.

Павлик помогал Люсе Лисиновой – подносил сумки с лекарствами и бинтами, перевязывал раненых.

Вспыхивали огненные зарницы – это били орудия, выплёскивали свинцовые струи пулемёты.

Упал кто-то из красногвардейцев, и Павлик, забыв об опасности, рванулся вперёд – поднять, вынести из-под огня товарища.

Пуля настигла его на бегу и, опрокинув на спину, бросила на сырую, холодную мостовую.

Дрогнули перед глазами золотые купола собора, качнулись дома, деревья. Померкло осеннее московское небо.

Так погиб замоскворецкий Гаврош.

Прошло много-много лет.

Но жива добрая людская память.

Есть в московских школах пионерские дружины и отряды имени Павлика Андреева.

Есть в кузнечном цехе прославленного, легендарного завода Ильича бригада, носящая имя бывшего подручного кузнеца.

Бывший Арсеньевский переулок стал улицей Павлика Андреева. Рядом с ней тянется другая – широкая и тенистая, застроенная светлыми многоэтажными домами – Люсиновская.

Вот и снова они как бы вместе, в одном строю – вожак молодёжи Замоскворечья Люся Лисинова и её младший друг Павлуша Андреев, верные боевые соратники, павшие на рассвете жизни на ранней заре нашего государства.

С того далёкого дня семнадцатого года, о котором поведал миру летописец Октября Джон Рид, четырнадцатилетний красногвардеец лежит на Красной площади у Кремлёвской стены. Он самый юный из тех, что покоятся здесь, в самом центре столицы, в священном для каждого из нас месте.

В дни праздников на Красную площадь вливаются колонны. Пронесут мимо Мавзолея, Кремлёвской стены знамёна. Отдают поклон и ему, Гаврошу Замоскворечья, маленькому бойцу великой Революции.

Наверное, это и есть бессмертие!

Публикуется по: Павлик, замоскворецкий Гаврош //Откроем Книгу почёта /Авт.-сост. В.Я. Яковлев. – М., 1987. – С. 16 – 21.